

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В ПАМЯТЬ УШЕДШИХ И ВО СЛАВУ ЖИВУЩИХ

Письма читателей с фронта.

Дневники и воспоминания сотрудников

Публичной библиотеки

1941-1945

Санкт-Петербург

1995

ИЗ ПИСЕМ ФРОНТОВЫХ ЛЕТ

(Публичная библиотека и ее читатели в годы
Великой Отечественной войны)

Составитель И. В. Алексахина

назвать ни имен, ни фронтовых адресов своих читателей, но в заголовке своего обозрения они определили то важное, что заключали в себе письма: несломленность духа защитников Родины, их не угасающий, а растущий интерес к отечественной культуре, стремление приобщиться к ней. В разных строках, в просьбах, изложенных, как правило, на плохой бумаге, нередко карандашом, открывалось то высокое, что в реальности тогда объединяло народ от подростка до глубокого старика, искренне сострадающих своей воюющей стране и не представляющих ее побежденной.

Более сорока лет спустя письма фронтовиков в Библиотеку заново прочитала ее сотрудница О. В. Звегинцева (7). Она охарактеризовала работу Консультационно-библиографического отдела в лице его лучших представителей тех лет, а также подготовила публикацию двадцати писем (некоторых фрагментарно), пришедших в Библиотеку с переднего края обороны. Отметив значение деятельности Библиотеки в годы битвы с фашизмом, напомнила о том, какие невероятные усилия сотрудников были приложены к тому, чтобы спасти духовное наследие народа, чтобы и на фронте, и в кольце, и за кольцом блокады люди могли "жить достойно, не расчеловечиваясь" (Д. Гранин).

Ныне эти и многие другие письма, а также частично копии ответов на них хранятся как в Архиве РНБ, так и в Центральном Государственном архиве литературы и искусства С.-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). В основном они объединены в папки под названиями "Переписка с бойцами Советской Армии о присылке литературы", "Переписка с воинскими частями об оказании методической помощи в организации библиотек и подготовке библиотечных работников", "Переписка с бойцами Советской Армии о высылке им литературы и о передаче в дар ГПБ книг". По-своему важные, взволнованные, разнохарактерные письма обнаруживаются в папках Отдела комплектования, таких, например, как "Материалы о приобретении ГПБ бесхозных библиотек и архивов", "Материалы о приеме в ГПБ рукописных материалов от отдельных лиц" и др. Письма бойцов, письма читателей военных лет, письма дарителей иногда обнаруживаются и в других архивных папках, среди совершенно неожиданных материалов. Они ждут своего часа, представляя научный интерес не только для воссоздания истории Библиотеки в полном объеме, но и для тех, кто ведет ретроспективные социологические и историко-культурные исследования более широких масштабов.

Настоящая публикация ряда писем военных лет и их комментирование рассматриваются нами как один из шагов на путях изучения взаимосвязи Библиотеки и ее читателей в те годы истории, когда, казалось бы, все предполагало разрыв этих связей. "Пока хоть кто-то понимает, что культуру надо спасать, на этот вершок она и спасена. Пока люди сидят в библиотеках и не отходят от книг, вот на этот вершок культура и выживает. А как начнут самокрутки из книг махоркой набивать, вот тогда она рухнет. Культура всегда в осаде. Но она поразительным образом все равно пробивается сквозь неблагоприятные условия (8), -- говорит в одном из своих интервью писатель Т. Толстая, размышляя о нашем, тоже по-своему трудном для развития культуры времени. В годы войны тесные, активные, энергетически напряженные контакты Библиотеки и читателей содействовали культурному прогрессу не на вершок, а, смело можно сказать, на сотни и тысячи верст вперед. Люди, силою обстоятельств отторгнутые от книг, тянулись к ним. Хранители книг делали все, чтобы утолить духовную жажду читателей. Публикуемые письма - всего лишь фрагменты истории Библиотеки в годы войны и блокады Ленинграда, однако они позволяют детальнее представить поразительную судьбу Библиотеки фронтовых лет, заставляют задуматься о том, как на протяжении теперь уже двух веков Библиотека растила и вырастила своего благодарного читателя, не порывая с ним и в невзгодах. Отбор писем сделан в основном из тех, что приходили с обратным адресом полевой почты (возможно, не все они шли из фронтовой полосы, но фронтовые письма говорят сами за себя). Некоторые публикуемые письма присланы из города-фронта Ленинграда (так называемые "местные"). Немало заслуживающих внимания запросов читателей приходило в ту пору и из тыловых городов и селений. Но остановиться на них мы не имели

возможности. В разнообразии писем очевидны и типичность их, и индивидуальный характер любого письма, единственность стоящей за ним судьбы человека. Ведь и сегодня, какой бы отвлеченной, или напротив, сугубо прагматической ни была задача публикатора, держа в руках эти потемневшие от времени листочки, содержание которых трудно порой разобрать, мы думаем: "Жив ли ты?" И это определяет наше нынешнее отношение к письмам и, что важно отметить, определяло и отношение к ним тех, кто получал их в Библиотеке в 1941-1945 годах, кто, порой забывая о себе, спешил на них ответить.

Из писем, сходных по содержанию, мы отбирали те, которые содержат что-либо отличительное в самой характеристике пишущего, в его отношении к книге. Из прочих -- брали прежде всего те, которые своими конкретными образами (здесь важная роль комментария) пополняют известную картину духовности бытия военных лет.

В ряде писем сделаны сокращения общих мест или наименее значимых, на наш взгляд, строк. Формируя публикацию, мы не придерживались хронологической последовательности писем, хотя даты их отправления тоже порой красноречивы. Разве не показательны хотя бы два следующих примера? Третьим июля 1941 года (всем, пережившим войну, памятен этот день: тогда многие поняли - война надолго) датирует свое письмо-заявление в дирекцию Библиотеки Е. П. Ляпунова (9) -- вдова известного русского композитора С. М. Ляпунова (10). Она просит принять на хранение неизданные рукописи ее покойного мужа. 6 января 1942 г. пишет в Библиотеку находящийся в блокированном городе профессор Ленинградского университета Г. А. Гуковский (11): "Прошу Вас указать мне библиографию всего вышедшего об И. П. Котляревском (12) на украинском и других языках после известной брошюры о нем (то есть за последние 10 лет) (13). Самое ценное вручается Библиотеке с надеждой: там сохранится. Жизнь и работа блокированного города продолжают, ученые не оставляют своих новых замыслов...

* * *

А

Вскоре после появления упомянутой статьи "Культурный рост наших фронтовиков" в Библиотеку пришло письмо: "Сегодня я прочитал в журнале "Звезда" статью т.т. Приваловой и Муратовой. И решил тоже прибегнуть к Вашей помощи. Я увлекаюсь литературой. Кое-что, откровенно говоря, уже написал, но это не то. Вы сами понимаете, чутье есть. А вот как изложить: сам процесс изложения - труден. И вот иной раз в свободную минуту, а больше всего, когда товарищи спят, ломаешь себе голову над разрешением писательского секрета. Я бы очень просил Вас прислать мне книги: Томашевский - "Теория литературы"¹⁴, Г. Н. Пospelов - "Теория литературы" (15). Михайлов П. М. "Персонаж" (16), Крайский - "В помощь начинающему писателю" (17) <...> С балтийским приветом. Ив. Аникин. 21.XI.43. Полевая почта 22858-Е (18).

В историю литературы советского периода вошла целая плеяда поэтов, погибших на войне; известны и имена писателей, рожденных войной, долгие годы впоследствии и творчески, и в декларациях заявлявших о своем фронтовом братстве. Читая письмо воина-балтийца, нельзя не задуматься о том, сколько возможных писателей мы не досчитались, потеряли на войне. Жажда учиться, получать знания, желание реализовывать себя не только на войне, оставаясь на войне, - одна из заметных и прекрасных особенностей фронтовых писем тех, чья молодость проходила в боевой обстановке. Отсюда и неуходящая память читателей о Библиотеке, часах, проведенных когда-то в ней - лирическая нота писем; отсюда и многие эмоциональные, иногда неуклюжие, строки, адресованные Библиотеке и ее сотрудникам, которые помогали получить знания, украсить хорошей книгой короткий досуг, хоть на минуту отвлечься от тяжелой повседневности.

В свою очередь, письма читателей вселяли силы в тех, кто отвечал им, постоянно осознавая, что нужен, необходим - сегодня, сейчас, завтра. Об этом говорят, в частности, копии сохранившихся ответов на письма - всегда мобильных, всегда полновесных, написанных с душой и вниманием к человеку. Читатели и на войне продолжают следить за деятельностью своей Библиотеки, обеспокоены ее судьбой.

"<...> Недавно я прочел в газете о той работе, которая проводится Вашей библиотекой в эти суровые для нашей Родины дни. И сразу же вспомнил время, когда я занимался у Вас, будучи студентом 1-го Ленинградского пед. института иностранных языков. Да, это было совсем недавно, в 1941 г., а теперь я далеко-далеко от того места, где черпал свои знания. Только теперь я осознал, что мне дали часы, проведенные в просторных залах дорогого сокровища. Я обращаюсь к Вам: если это будет возможным, вышлите мне что-нибудь из беллетристики на английском языке. Желательно, что-нибудь из нового: например, "Цитадель" А. Кронина, "Луна зашла" Д. Стейнбека (19). Если невозможно прислать книги, убедительно прошу у Вас какой-нибудь журнал или газету (желательно, с ижунской речью господина Черчилля, произнесенной им в Вашингтоне). Каков бы ни был Ваш ответ, я его буду ждать, и ответ будет <...> 23 июня 1943 г. Матвеев С. И. Полевая почта 59128 (20).

И ответ, разумеется, был. В этом же архивном деле хранится следующее письмо С. И. Матвеева от 6 сентября 1943 г., где он пишет:

"Безмерно рад Вашей посылке, в которой заключалось 4 томика английских книг (21). Роман Коллинза я уже прочел. Благодарю Ваших работников за хороший подбор книг и желаю Вам долгой плодотворной деятельности на Вашем благородном поприще во имя нашей социалистической Отчизны. Передайте привет лично землякам-ленинградцам, мужественно выстоявшим против напора зла и насилия, во имя процветания всего человечества. В Вашей Библиотеке находятся книги, идеи которых обеспечили победу ленинградцам. Ваш Матвеев (22).

Обозреватели и публикаторы писем военных лет в Библиотеку уже отмечали, что вопросы, связанные с художественной литературой, составляют наибольшую часть в общем потоке писем. Можно лишь подтвердить это, сказав